

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083

EDN: YWDWIY

Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского

В. Н. Захаров

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. Достоевский задумал «Записки из Мертвого Дома» как воспоминания, но произошла трансформация замысла, которая привела к изменению хронологии и обстоятельств биографии автора. Он не только описал, но и сочинил свою жизнь, поставив ее в контекст мировой истории. Важное значение в структуре «Записок» имеют больничные сцены. Достоевский дал, по сути, клиническое описание физических болезней и их лечения. Он компетентно судит о госпитальной медицине, свободно владеет медицинским тезаурусом, использует медицинскую латынь. Этим описаниям сопутствуют суждения и рассказы о преступлениях и телесных наказаниях арестантов, об экзекуторах и палачах. Он полагает, что отечественная медицина враждебна и не соответствует духу народа, его привычкам. Описания автора фактографичны. Они воссоздают эмпирическую реальность, которая получает метафизическое осмысление. Средством претворения эмпирического в сакральное является «Божественная комедия» Данте, которая повлияла на концепцию ада, поэтику и структуру «Записок из Мертвого Дома» Достоевского. Данте видел ад, чистилище, рай, его видения стали предметом поэзии. Достоевский жил в аду, в «Мертвом Доме», это его личный опыт. В «Записках» два повествователя: alter ego автора и вымышленный Александр Петрович Горянчиков, своего рода литературная маска автора. У них разные роли. Зачастую их трудно различить. Имя-отчество героя чаще всего звучит в разговорах с другими персонажами: он спрашивает, они рассказывают ему о себе. Не автор задает героям бестактные вопросы — за него это делает Александр Петрович, сведущий узник «Мертвого Дома». Он — Вергилий Достоевского. У Александра Петровича нет будущего, его каторжный ад без чистилища и рая продолжился в «адской жизни на воле». Не чистилище, а Пасха — акт преображения автора, который воскрес из мертвых, обрел свободу, новую жизнь и будущее.

Ключевые слова: Достоевский, Данте, ад, Вергилий, Мертвый Дом, госпиталь, врач, лечение, Рождество, Пасха, свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда РФ в рамках научного проекта № 21-18-00481 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Захаров В. Н. Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 304–323. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083. EDN: YWDWIY

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083

EDN: YWDWIY

Hospital Scenes in Dostoevsky's "Notes from a Dead House"

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. Dostoevsky conceived "Notes from a Dead House" as a memoir, but the concept was transformed, leading to a change in the chronology and circumstances of the author's biography. The writer not only described, but also composed his life, placed it in the context of world history. Hospital scenes are important in the structure of "Notes." Dostoevsky gave an almost professional description of physical illnesses and their treatment. He passes competent judgement on hospital medicine, is fluent in the medical thesaurus, and uses medical Latin. His descriptions are accompanied by judgments and stories about crimes and corporal punishment of prisoners, about executioners and executioners. He believes that medicine in Russia is hostile and does not correspond to the spirit of the people, their habits. The author's descriptions are factual. They recreate an empirical reality that receives metaphysical interpretation. The means of transforming the empirical into the sacred is Dante's "Divine Comedy," which influenced the concept of hell, the poetics and structure of Dostoevsky's "Notes from a Dead House." Dante saw hell, purgatory, paradise; his visions became the subject of poetry. Dostoevsky lived in hell, in a "Dead House," this is his personal experience. There are two narrators in the "Notes": the author's alter ego and the fictional Alexander Petrovich Goryanchikov, a kind of literary mask of the author. They have different roles, which are often difficult to distinguish. The hero's name and patronymic are most often heard in conversations with other characters: he asks questions, and they tell him about themselves. It is not the author who asks tactless questions to the heroes — Alexander Petrovich, a knowledgeable prisoner of the "Dead House," does it for him. He is Dostoevsky's Virgil. Alexander Petrovich has no future, his hellish toils without purgatory and paradise continued in the "hellish life on the outside." Not purgatory, but Easter is the act of transformation of the author, who has risen from the dead, found freedom, a new life and a future.

Keywords: Dostoevsky, Dante, hell, Virgil, Dead House, hospital, doctor, treatment, Christmas, Easter, freedom, new life, resurrection from the dead

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number № 21-18-00481. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zakharov V. N. Hospital Scenes in Dostoevsky's "Notes from a Dead House". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 304–323. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083. EDN: YWDWIY (In Russ.)

Медицинская тема в жизни и творчестве Достоевского разнообразна и многоаспектна. В критической литературе она сводится в основном к обсуждению ее биографических аспектов, влияния эпилепсии на творчество писателя, патологии героев его произведений — главным образом, их психических состояний. В ряде произведений писатель представил всестороннее и тщательное, почти профессиональное описание болезней героев и их лечения. Одним из них стали «Записки из Мертвого Дома».

Такому интересу Достоевского к медицинской теме способствовало то, что будущий писатель родился в семье врача Михаила Андреевича Достоевского. До шестнадцати лет он жил во флигеле Мариинской больницы для бедных среди больных и врачей. Лекарями и докторами медицины были сослуживцы отца и родственники матери, некоторые из них преподавали на медицинском факультете Московского университета. В повседневных заботах и медицинской практике проходил каждый день семьи Достоевских. Все было подчинено служению Михаила Андреевича: работа в больнице, обязанности домашнего врача — для родни бесплатно, для содержателей пансионатов в счет оплаты за учебу старших детей.

Больничные быт и врачебная среда были образом жизни будущего писателя. Достоевский живо интересовался медициной, прислушивался к разговорам, сам расспрашивал врачей и пациентов, читал медицинские книги и статьи в газетах и журналах, дружил с докторами А. Е. Ризенкампом и С. Д. Яновским в 1840-е гг., к нему благоволили врачи Омского военного госпиталя, он охотно и старательно лечился в 1860–1870-е гг. Семейный опыт, наблюдение и самонаблюдение, беседы и расспросы докторов, чтение медицинской

литературы — вот основные источники его познаний в области медицины.

Больничные сцены, а это четыре из двадцати одной главы, имеют важное значение в структуре «Записок из Мертвого Дома»: ими открывается вторая часть произведения, пребывание в госпитале было насущной необходимостью выживания в «Мертвом Доме». Писатель отмечал:

«Содержание на абвахтах и в острогах казалось сравнительно с госпитальным до того плохо, что многие арестанты с удовольствием приходили лежать, несмотря на спертый воздух и запертую палату»¹.

Достоевский признавался:

«Я часто лежал больной в госпитале» (*Д18*; т. 15;: 118).

Больничное лечение спасало от казармы, от «насильственного коммунизма», по его выражению (*Д18*; т. 15;: 123).

В четырех начальных главах второй части «Записок» Достоевский обстоятельно описывает поступление больных в госпиталь, в больничную палату, назначение им лекарств, порций питания и меню, способов лечения (напр., лечения банками), рассказывает о подлинных и притворных болезнях арестантов, посвящает читателя в различные уловки, к которым прибегают больные, чтобы избежать наказания, возмущается обременением их кандалами во время болезни, отсутствием свежего воздуха в арестантских палатах. Описания сопровождают рассуждения о наказаниях, рассказы об экзекуторах, палачах (конкретно — о поручиках Жеребятникове и Смекалове), о преступлениях арестантов против начальства. Все это разнообразие содержания представлено в подробностях острожной жизни.

Достоевский профессионально судит о госпитальной медицине, свободно владеет медицинским тезаурусом, использует медицинскую латынь. Его методы безупречны и научны: наблюдение, самонаблюдение, анализ. Он не только описывает,

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003. Т. 3. С. 381–382. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д18* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

но прежде всего анализирует лечение каторжан, дает критический очерк санитарного состояния палат (антисанитария отягощает страдания больных) — и вместе с тем «арестанты не нахвалятся своими лекарями»:

«Отцов не надо!» — отвечали они мне на мои расспросы, когда я отправлялся в больницу» (*Д18*; т. 3: 379).

Некоторое время спустя повествователь даст развернутое пояснение этому наблюдению:

«Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали их за отцов, уважали их. Всякий видел от них себе ласку, слышал доброе слово; а арестант, отверженный всеми, ценил это, потому что видел неподдельность и искренность этого доброго слова и этой ласки. Она могла и не быть; с лекарей никто бы не спросил, если б они обращались иначе, то есть грубее и бесчеловечнее: следственно они были добры из настоящего человеколюбия. И уж разумеется они понимали, что больному, кто бы он ни был, арестант ли, нет ли, нужен такой же например свежий воздух, как и всякому другому больному, даже самого высшего чина. Больные в других палатах, выздоравливающие например, могли свободно ходить по коридорам, задавать себе большой моцион, дышать воздухом не настолько отравленным, как воздух палатный, спертый и всегда необходимо наполненный удушливыми испарениями. И страшно и гадко представить себе теперь, до какой же степени должен был отравляться этот и без того уже отравленный воздух по ночам у нас, когда вносили этот ушат, при теплой температуре палаты и при известных болезнях, при которых невозможно обойтись без выхода? Если я сказал теперь, что арестант и в болезни нес свое наказание, то разумеется не предполагал и не предполагаю, что такой порядок устроен был именно только для одного наказания. Разумеется это была бы бессмысленная с моей стороны клевета. Больных уже нечего наказывать. А если так, то само собою разумеется, что вероятно какая-нибудь строгая, суровая необходимость принуждала начальство к такой вредной по своим последствиям мере. Какая же? Но вот тем-то и досадно, что ничем другим нельзя хоть сколько-нибудь объяснить необходимость этой меры и сверх того многих других мер, до того непонятных, что не только объяснить, но даже предугадать объяснение их невозможно» (*Д18*; т. 3: 384–385).

Чуть позже повествователь продолжил:

«Надо признаться, много лекарей на Руси пользуются любовью и уважением простого народа и это, сколько я заметил, совершенная правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксом, особенно взяв в соображение всеобщее недоверие всего русского простого народа к медицине и к заморским лекарствам» (Д18; т. 3: 388).

Причину такого недоверия автор видит в том, что народ «пугают немецкие порядки госпиталя, чужие люди кругом во все продолжение болезни, строгости насчет еды, рассказы о настойчивой суровости фельдшеров и лекарей, о взрезывании и потрошении трупов и проч^{<ем>}. К тому же, рассуждает народ, господа лечить будут, потому что лекаря все-таки господа. Но при более близком знакомстве с лекарями (хотя и не без исключений, но большею частью), все эти страхи исчезают очень скоро, что, по моему мнению, прямо относится к чести докторов наших, преимущественно молодых. Большая часть их умеют заслужить уважение и даже любовь простонародья» (Д18; т. 3: 388).

Любовь и недоверие народа к лекарям не снимают главную проблему:

«Прочая же обстановка наших лечебниц до сих пор во многом не соответствует духу народа, до сих пор враждебна своими порядками привычкам нашего простолюдыя и не в состоянии приобрести полного доверия и уважения народного. Так мне по крайней мере кажется из некоторых моих собственных впечатлений» (Д18; т. 3: 389).

Суждения автора звучат как приговор: отечественная медицина «не соответствует духу народа», она «враждебна своими порядками привычкам нашего простолюдыя», «не в состоянии приобрести полного доверия и уважения народного». Чтобы так написать, нужно знать, в чем состоит народный идеал медицины.

Значительное место в госпитальных главах, кроме описаний больничного быта, занимают рассуждения о телесных наказаниях и их последствиях, сцены словесных препирательств арестантов, рассказы о преступлениях. Жанровой основой

произведения являются «записки», описания, очерк, повествование, повесть, сцены, диалоги.

Особое значение в структуре «Записок» имеют рассказы. Они изучены как в жанровой системе Достоевского, так и в структуре его произведений [Захаров, 1985а, 1985b, 1989], в контексте натуральной школы [Пигин].

В «Записках их Мертвого Дома» рассказы представлены двумя типами — рассказами повествователя и «арестантскими рассказами».

Рассказы первого типа включены в повествование от автора («повествователя»). Их герои — арестант, выпивший вина, настоящего на нюхательном табаке, и вскоре умерший от «чахотки», каторжники Орлов, Коренев, Михайлов, Чекунов и Устьянцев, крещеный калмык Александр, поручики Жеребятников и Смекалов. Композиционно в тексте «Записок» обособлен рассказ «Акулькин муж».

Арестантские рассказы, как правило, сценичны. В них значимы диалоги и фигура Александра Петровича Горянчикова. Зачем автору еще один повествователь, вдобавок — слушатель рассказчиков?

Достоевский задумал «Записки из Мертвого Дома» еще в Омском остроге. К работе над ними он приступил сразу после выхода из каторги. В январе–феврале 1854 г., во время месячного ожидания отправки в Семипалатинск на солдатскую службу, он попробовал описать каторгу в эпистолярном жанре — в письмах брату Михаилу и Наталье Дмитриевне Фонвизиной, привел в порядок разрозненные записи, сделанные еще в Омском госпитале, собрал их в своей «тетрадке каторжной».

Писатель понимал исключительность своего каторжного опыта:

«Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как может-быть

не многие знают его. Ну это мое маленькое самолюбие! Надеюсь простительно» (Д18; т. 15₁: 119).

Как свидетельствовал А. Е. Врангель, в Семипалатинске Достоевский увлеченно писал воспоминания, но бросил их во время своего романа с Марией Дмитриевной Исаевой². Упоминание о работе над мемуарами есть в письме А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. Однако и через четыре года воспоминания не были написаны.

9 октября 1859 г. Достоевский писал брату Михаилу из Твери:

«Эти “Записки из Мертвого Дома” приняли теперь в голове моей план полный и определенный. Это будет книжка листов в 6 или 7 печатных» (Д18; т. 15₁: 267).

По признанию автора, у него был план, наброски, но сколько было написанных глав? Достоевский планировал «записки» в 6–7 п. л., однако общий объем текста, опубликованного в 1860–1862 гг., — 16 п. л. Имеет смысл считать объем текста только в традиционной орфографии, ибо в современной получается на 3,25% меньше (15,5 п. л.). Очевидно, что к октябрю 1859 г. была написана лишь небольшая часть. Работа шла медленно и трудно.

Именно на этапе обдумывания замысла сложилась оригинальная концепция «записок». 18 января 1856 г. Достоевский писал А. Н. Майкову: «...тут мало чисто личного» (Д18; т. 15₁: 148). 9 октября 1859 г. в письме брату Михаилу он высказался подробнее:

«Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного; но за интерес я ручаюсь. Интерес будет наикапитальнейший. Там будет и серьезное и мрачное и юмористическое и народный разговор с особенным каторжным оттенком (я тебе читал некоторые из записанных мною на месте выражений) и изображение личностей никогда не слыханных в литературе и трогательное и наконец главное — мое имя» (Д18; т. 15₁: 267).

² Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. / бар. А. Е. Врангель. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. С. 52.

В «Записках» действуют два повествователя: alter ego автора и вымышленный герой Александр Петрович Горянчиков. У них разные сюжетные роли. С одной стороны, alter ego выражал личный опыт Достоевского, политического преступника, имевшего по приговору четыре года каторги, срок самого автора. С другой стороны, Александр Петрович Горянчиков был сочинителем «записок», литературной маской автора, «неизвестным», тоже каторжником, отбывшим наказание сроком в десять лет за убийство жены из ревности, вышедшим из острога и ставшим обывателем уездного сибирского городка.

В повествовании постоянно происходит двоение автора и героя. Есть главы, написанные от лица автора; есть сцены — от лица Александра Петровича, героя «записок». Во многих эпизодах интеграция автора и героя такова, что их не различить. Зачем Достоевскому понадобился Александр Петрович Горянчиков?

Казалось бы, у героя строго заданные функции. Его характер очерчен во «Введении» к «Запискам». Чаще всего его имя-отчество звучит в диалогах с другими персонажами: с Сироткиным, Сушиловым, Петровым, Баклушиным, Варламовым, крещеным калмыком Александром (или «Александрой»): он — слушатель, они рассказывают ему свои истории. По имени-отчеству к нему обращаются арестанты в праздник Рождества Христова, во время предъявления претензии и выхода из каторги. Эпизоды с ним сценичны, представлены в диалогах. Не автор, а Александр Петрович задает рассказчику бестактные вопросы. Он — спутник автора и сведущий житель «Мертвого Дома».

Из-за недооценки фигуры Александра Петровича критики запутались, кого в «Записках из Мертвого Дома» можно считать Вергилием, который сопровождал Данте по загробному миру «Божественной комедии». А. П. Милюков сравнил Достоевского с Вергилием³. В. Шкловский назвал «Вергилием этого каторжного ада» Акима Акимыча, функции которого локальны в сюжете и композиции «Записок» [Шкловский: 104].

³ Милюков А. «Записки из Мертвого Дома» Ф. Достоевского // Светоч. 1861. Книжка V. С. 29.

Очевидно другое: Вергилий — это Александр Петрович.

В критике давно общим местом стало сопоставление Достоевского и Данте, «Записок из Мертвого Дома» с «Божественной комедией». Их сходство отметили рецензенты А. П. Миллюков, А. Петров, Е. Ф. Зарин (см.: [Викторович, Захарова: 147, 152]), такие проницательные писатели и читатели, как Тургенев и Герцен, из современных работ можно назвать следующие [Волкова], [Дудкин], [Касаткина: 114–148], [Акелькина], [Тоичкина, 2012, 2013], [Любимская].

26 декабря 1861 г. Тургенев благодарил автора за присылку некоторых глав «Записок из Мертвого Дома», опубликованных во «Времени»:

«Картина *бани* просто дантовская — и в Ваших характеристиках разных лиц (напр. Петров) много тонкой и верной психологии»⁴.

Герцен назвал «Записки» «страшной книгой»:

«... всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: это “Мертвый дом” Достоевского, страшное повествование, автор которого, вероятно, и сам не подозревал, что, рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей-каторжников, он создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонарроти»⁵.

Повод для уподобления каторги и ада дал сам Достоевский. Именно он подсказал слово «ад» читателю:

«Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» (*Д18*; т. 3: 348).

Казалось бы, что общего между баней и адом? Автор отмечает внешнее сходство:

«Простолюдины мало моются горячей водой и мылом; они только страшно парятся и потом обливаются холодной водой, — вот и вся баня. <...> Пару поддавали поминутно. Это был уж не

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Письма: в 18 т. / И. С. Тургенев; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978. Т. 4: Письма: 1859–1861. 1987. С. 394.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 годов. С. 219.

жар; это было пекло. <...> Обритые головы и распаренные докрасна тела арестантов казались еще уродливее. На распаренной спине обыкновенно ярко выступают рубцы от полученных когда-то ударов плетей и палок, так что теперь все эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня мороз прошел по коже смотря на них» (Д18; т. 3: 348–349).

Повествователю даже пришло в голову, что «если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место». Он поделился этим наблюдением с Петровым, но тот «только поглядел кругом и промолчал» (Д18; т. 3: 349).

Баня не ад, по смыслу действия это физическое очищение, омовение, но слово «ад» произнесено и стало подсказкой для читателей «Записок».

Впрочем, до Достоевского слово «ад» успел ввести в критический тезаурус А. П. Милюков, написавший отзыв на введение и четыре главы первой части «Записок из Мертвого Дома». Автору еще предстояло написать семнадцать глав, а критик уже знал концепцию произведения, понимал развитие его сюжета. Это не случайно. А. П. Милюков — давний друг братьев Достоевских, Федора и Михаила. Он слышал рассказы об узниках «Мертвого Дома» от самого автора, некоторые ненаписанные эпизоды сохранились в его пересказах, Ф. Достоевский был ключевой фигурой «вторников Милюкова». Критик разделял взгляд писателя на преступление как несчастье и преступников как несчастных⁶, знал, что «въ каждомъ преступникѣ онѣ ищетъ чловѣка»⁷. Поражает концептуальность, аналитичность, масштаб обобщений и уверенность критика в суждениях о незавершенном произведении.

Милюков рассматривает Достоевского как «Данта, который самъ спустился-бы въ эти вертепы преступленія и страданій, приглядѣлся къ страшнымъ сценамъ этого чистилища и ада, изучилъ нравы и бытъ этихъ непогребенныхъ мертвецовъ и передалъ намъ все это въ полной и живописной картинѣ»⁸.

⁶ Милюков А. «Записки из Мертвого Дома» Ф. Достоевского. С. 27, 33.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Там же. С. 29.

Критик поставил «Мертвый Дом» в контекст мировой поэзии, дал развернутое сопоставление с адом Данте:

«Съ самыхъ далекихъ временъ народная фантазія или воображеніе поэтовъ представляли намъ адъ, какъ мѣсто вѣчной казни, на которую обрекаетъ небесное правосудіе за преступленія и злодѣйства. Вспомните тартаръ древнихъ грековъ, окруженный пламеннымъ Флегетономъ, гдѣ Танталъ изнываетъ въ неутолимой жаждѣ. Сизифъ вѣчно катитъ на гору свой камень и Дананды осуждены на страшно-безплодный трудъ наливать бездонную бочку. Вспомните адъ Данта, съ его безконечными изгибами, гдѣ Уголино вѣчно вгрызается окровавленными зубами въ черень епископа Руджіеро. Вспомните наконецъ хаотическій адъ Байрона, на блуждающей кометѣ, полный мукъ въ одномъ существованіи безъ свѣта и жизни, безъ страстей и даже страданій, въ одной призрачной и томительной безличности. Передъ этими страшными картинами вы останавливаетесь съ трепетомъ и жалостью, съ негодованіемъ на порокъ и укоризною на жестокость суда.

Такія-же чувства пробудили въ насъ и Записки изъ Мертвого Дома. По мѣрѣ чтенія, намъ казалось, что г. Достоевскій, точно Вергилій, ведетъ насъ въ какой-то страшный міръ страданій, въ какой-то новый адъ, только не фантастическій, а дѣйствительный, и показываетъ намъ такія-же преступленія и страданія, но тѣмъ болѣе ужасныя, что это не вымыселъ поэта, а голая правда»⁹.

«Мертвый Дом» — метафора. Жизнь в Мертвом Доме не только нахождение в аду. Заточение в остроге Достоевский сравнивал с пребыванием во гробе. Об этом он писал брату Андрею:

«...я был похоронен живой и закрыт в гробу» (Д18; т. 15₁: 127).

Несвобода мертвит человека. Погребение заживо в Мертвом Доме — «страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякой час, всякая минута, тяготела как камень у меня на душе» (Д18; т. 15₁: 127).

У католика Данте загробный мир троичен: ад, чистилище, рай.

---

⁹ Милюков А. «Записки из Мертвого Дома» Ф. Достоевского. С. 29–30.

В «Записках из Мертвого Дома» им, казалось бы, соответствуют каторга, госпиталь, выход из каторги. Баня и каторга уподоблены аду, но госпиталь не чистилище. Более того, госпиталь не включен в хронотоп Мертвого Дома, даже территориально он находится вне каторги. Каторжан и арестантов там спасают от смерти, лечат от болезней и от телесных истязаний, но не готовят для рая.

Метафоры «ад» и «рай» в «Записках из Мертвого Дома» относительны. Так, для иных в сравнении с арестантскими ротами каторга казалась раем, о чем говорит Аким Акимович Александру Петровичу:

«Здесь, я вам скажу, жить трудно. А в российских арестантских ротах еще труднее-с. Вот у нас есть оттуда, так не нахвалятся нашим острогом, точно из ада в рай перешли» (Д18; т. 3: 284).

«Мертвый Дом» предстает в «Записках» без чистилища и рая.

Чистилище не нужно автору и его героям. У них есть исповедь, покаяние, искупление, исправление, перерождение, преображение. Есть посмертный путь к спасению — сороковины, сорокадневное хождение души по мытарствам, во время которых душа умершего предстает перед Богом и держит отчет о прожитом и грехах.

Справедливо сказано: «Въ міръ Достоевскаго допускается сама возможность спасенія изъ Ада» [Есаулов: 272].

В романе «Братья Карамазовы» в разных эпизодах присутствуют народные предания об аде, в которых реализована эта идея.

Так, предваряя поэму «Великий инквизитор», Иван Федорович пересказывает легенду, «монастырскую поэмку» «*Хождение Богородицы по мукам*», «с картинками и со смелостью не ниже Дантовских», в которой Богородица посещает ад, «видит грешников и мучения их», «вымаливает у Бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до Троицына дня» (Д18; т. 13: 204–205).

Грушенька рассказывает басню о луковке, которую она слышала от кухарки Матрены:

«Жила-была одна баба злющая-презлющая, и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти

и кинули в огненное озеро. А Ангел-Хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе где теперь. Побежал Ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть, и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидели что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: “Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша”. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А Ангел заплакал и отошел» (Д18; т. 13: 288).

В другом эпизоде Дмитрий Федорович допытывается у кучера, куда он попадет — «во ад али нет». Андрей в назидание ему отвечает, что «от вас зависит», и рассказывает, как Сын Божий сошел со креста прямо во ад и освободил всех грешников, которые мучились» (Д18; т. 14: 46). А когда «застонал ад», что не будет грешников, сказал аду Господь:

«Не стони, аде, ибо приидут к тебе отселева всякие вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь восполнен так же точно как был во веки веков, до того времени пока снова приду». Это точно, это было такое слово...» (Д18; т. 14: 46).

Шестая книга романа «Братья Карамазовы» «Русский инок» завершается мистическим рассуждением старца Зосимы «О аде и адском огне». Он не обсуждает, есть ли потолок в аду или «горящее озеро», есть крючья или нет. Отвечая на вопрос, «что есть ад», Зосима дает неожиданный ответ:

«Страдание о том что нельзя уже более любить» (Д18; т. 13: 265).

Нелюбовь есть ад. Есть и «доброхотные мученики», которые «сами прокляли себя прокляв Бога и жизнь» (Д18; т. 13: 266), «Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют чтобы не было Бога жизни, чтоб уничтожил Себя Бог и всё создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...» (Д18; т. 13: 266).

В суждениях старца ад — понятие, в котором совпадают прямое и переносное значения слова: место посмертных мучений язычников и грешников тождественно аду в жизни.

Казалось бы, кто усомнится в фактической подлинности рассказа «Акулькин муж»? В полемике с критиками Достоевский возражал:

«Говорили что я изображалъ громъ настоящій, дождь настоящій какъ на сценѣ. Гдѣ же? Неужели Раскольниковъ, Ст. Трофимовичъ (главные герои моихъ романовъ) подають къ этому толки? Или въ Запискахъ изъ Мертваго Дома, Акулькинъ мужъ наприимѣръ»¹⁰.

Писатель настаивал, что его рассказ сочинен, факты настоящие, а обстоятельства и подробности вымышленные.

В процессе работы над воспоминаниями произошла трансформация замысла, которая затронула биографический и историко-культурный смысл «Записок».

Судя по всему, это радикальное изменение произошло между первой и второй публикациями «Записок из Мертвого Дома» (после 1 сентября 1860 г. до 4 января 1861 г.). Достоевский прибыл в Омский острог «вечеромъ, въ январѣ мѣсяцѣ» (23 января 1850 г.), о чем он сообщил в первой публикации «Записок» в «Русском мире»¹¹, но в их републикации 1861 г. автор сделал примечание, что ранее была допущена «довольно важная опечатка», которую он исправил: «я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ»¹². В декабре 1849 г. Достоевский находился в Петропавловской крепости и только в ночь с 24 на 25 декабря был отправлен по этапу с фельдъегерем и жандармом в Тобольск, куда прибыл 9 января и т. д. Достоевский придал принципиальное значение этому сдвигу во времени. Он создавал не исторический или биографический, а художественный хронотоп.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 212.1.11. С. 68.

¹¹ Достоевский Ф. Записки из Мертвого Дома // Русский Мир. Газета политическая, общественная и литературная / под ред. А. С. Гиероглифова. СПб.: Тип. Ф. Стелловского. 1860. 1 сентября. № 67. С. 4.

¹² Ср.: «На страницѣ 4-й, въ 1-мъ столбцѣ, напечатано: “Помню какъ я воротился въ острогъ. Это было вечеромъ, въ январѣ мѣсяцѣ.” Надо читать: *въ декабрѣ*». — Достоевский Ф. Записки из Мертвого Дома // Русский Мир. Газета политическая, общественная и литературная / под ред. А. С. Гиероглифова. СПб.: Тип. Ф. Стелловского. 1861. 4 января. № 1. С. 8–9.

В «Записках из Мертвого Дома» две части, и каждая из них имеет свою и общую логику развития сюжета. Первая часть начинается описанием «Мертвого Дома», далее следуют рассказ о первых днях пребывания на каторге, потом о первом месяце, о каторжных работах, о посещении бани, завершается эта часть праздником Рождества Христова и театральным представлением каторжан. Во второй части автор рассказывает о госпитале, летней поре, каторжных животных, неудачном побеге, товарищах, выходе из каторги.

Недавно на первой странице «Сибирской тетради» прочитано слово, которым начинается эта записная книга Достоевского, — «Рождество»¹³. Оно является ключевым к первой части «Записок». Явление Спасителя и возможность проявить себя в театральном представлении на время умиротворило каторжные нравы:

«Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по-острожному — и человек нравственно меняется, хотя бы то было на несколько только минут...» (Д18; т. 3: 377).

Казарма засыпает под молитву старика-старообрядца, который молится о спасении всех «православных христиан».

Сюжетом второй части и «Записок» в целом становится пасхальная идея «воскресения из мертвых». Воскресение возвращает узников Мертвого Дома к жизни. Выходя из каторги, они обретают свободу, новую жизнь, воскресение из мертвых.

У Александра Петровича в «Записках» нет будущего, его каторжный ад продолжается в «адской жизни на воле». Воскресение из мертвых — акт преображения автора, это он обретает свободу, новую жизнь и будущее.

Тема воскресения генерирует ключевые эпизоды «Записок»: омовение в бане, праздник Рождества Христова и представление в острожном театре, лечение от физических недугов и расковывание мертвеца в госпитальных главах, выпуск на

¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; редкол. В. Е. Багно (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 2015. Т. 4: Записки из Мертвого Дома / ред. В. Д. Рак; подгот. текста Т. С. Соколовой. С. 267 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-literature.org/object/15774370> (05.02.2022). См. также: [Евангелие Достоевского: 1051, примеч. Б. Н. Тихомирова].

волю вылеченного орла, жажда «перемены участи» и обречение личной «свободы» по выходе из каторги.

Осенью 1860 г. Достоевский отказался от автобиографизма и фактографии в изображении каторги, но, отвергнув автобиографизм в фабуле, он сделал его тотальным принципом поэтики своих «Записок»: каждая деталь, все подробности острой жизни пережиты сердцем автора *действительно*. Он черпал их из памяти, из записей, из помет в каторжном Евангелии, из Сибирской тетради, наконец — выдумывал «с истиной сходно». Его реализм «полный», без запретов и цензуры, его установка — *«найти въ человѣкѣ человѣка»*¹⁴. Это христианский реализм — *«реализм, в котором жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова»* [Захаров, 2001: 16].

В «Записках из Мертвого Дома» писатель пришел к модели творчества, которая роднила его с Данте, превращала факты в правду вымысла, преображала хаос жизни в космос со-бытия автора и его героев.

Список литературы

1. Акелькина Е. А. Данте и Достоевский (рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из Мертвого дома») // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 394–399.
2. Викторovich В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: ИД «Лига», 2021. 536 с.
3. Волкова Е. И. Русский Дант (Ад и Рай в художественном мире Ф. М. Достоевского) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 40–46.
4. Дудкин В. В. «Невыразимое» у Данте, Гёте и Достоевского // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 86–113 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457953703.pdf (05.02.2022).
5. Евангелие Достоевского: в 3 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию / сост. В. Н. Захаров; авторы: В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров, В. П. Владимирцев. 1084 с.: илл., табл., портр.
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. 2-е изд., доп. Магадань: Новое Время, 2020. 480 с.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 212.1.17. С. 29.

7. Захаров В. Н. О рассказах Достоевского // Достоевский Ф. М. Рассказы. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 431–446. (a)
8. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с. (b)
9. Захаров В. Н. Замечательный рассказчик // Достоевский Ф. М. Рассказы / сост., вступ. ст. и примеч. В. Н. Захарова. М.: Правда, 1989. С. 3–14.
10. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (05.02.2022).
11. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
12. Любимская О. М. Мотив рая в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х — 1870-х гг. // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2015. № 5. С. 92–101.
13. Пигин А. В. О некоторых особенностях поэтики рассказа натуральной школы // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. Петрозаводск, 1988. С. 45–52.
14. Тоичкина А. В. Образ ада в «Записках из Мертвого Дома». К теме Достоевский и Данте // Достоевский и мировая культура: альманах. 2012. № 29. С. 52–66.
15. Тоичкина А. В. Поэтика символа в «Божественной комедии» Данте и в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. 2013. № 30 (1). С. 83–108.
16. Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Сов. писатель, 1957. 259 с.

References

1. Akel'kina E. A. Dante and Dostoevsky (Reception of Dante's Experience of the Organization of the Narration in the "Divine Comedy" in the Creation of "The House of the Dead"). In: *Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]*, 2012, no. 2, pp. 394–399. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A., Zakharova O. V. F. M. *Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881 [F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]*. Kolomna, Izdatel'skiy Dom Liga Publ., 2021. 536 p. (In Russ.)
3. Volkova E. I. Russian Dante (Hell and Paradise in the Art World of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication]*, 2002, no. 2, pp. 40–46. (In Russ.)
4. Dudkin V. V. The Inexpressible in the Works of Dante, Goethe and Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 86–113. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457953703.pdf (accessed on February 5, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2012.343 (In Russ.)

5. *Evangelie Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols.*]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017, vol. 2: Research. Materials for the Commentary. 1084 p. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Magadan, Novoe Vremya Publ., 2020. 480 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. About Dostoevsky's Stories. In: *Dostoevskiy F. M. Rasskazy* [*Dostoevsky F. M. Stories*]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985, pp. 431–446. (In Russ.) (a)
8. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [*The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (b)
9. Zakharov V. N. Wonderful Storyteller. In: *Dostoevskiy F. M. Rasskazy* [*Dostoevsky F. M. Stories*]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 3–14. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on February 5, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
11. Kasatkina T. A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvustavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [*The Sacred in Everyday Life: A Two-Part Image in Dostoevsky's Works*]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
12. Lyubimskaya O. M. The Motif of Paradise in the Works of F. M. Dostoevsky in the 1860s — 1870s. In: *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [*Ural Journal of Philology. Series: Draft: Young Science*], 2015, no. 5, pp. 92–10. (In Russ.)
13. Pigin A. V. On Some Features of the Poetics of the Story of the Natural School. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [*Genre and Composition of a Literary Work*]. Petrozavodsk, 1988, pp. 45–52. (In Russ.)
14. Toichkina A. V. The Image of Hell in the "Notes from the House of the Dead". On the Topic Dostoevsky and Dante. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*], 2012, no. 29, pp. 52–66. (In Russ.)
15. Toichkina A. V. The Poetics of the Symbol in Dante's "Divine Comedy" and Dostoevsky's "Notes from the House of the Dead". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*], 2013, no. 30 (1), pp. 83–108. (In Russ.)
16. Shklovskiy V. B. *Za i protiv. Zametki o Dostoevskom* [*Pro et Contra. Notes About Dostoevsky*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 259 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 23.04.2022

Принята к публикации / Accepted 09.05.2022

Дата публикации / Date of publication 06.06.2022